

100
главных
книг

СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ

МИХАИЛ БУЛГАКОВ

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б 90

Составление *Мариэтты Чудаковой*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Б 90 **Булгаков, Михаил Афанасьевич.**
Собачье сердце / Михаил Булгаков. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 640 с. — (100 главных книг).

ISBN 978-5-699-77354-1

Михаил Афанасьевич Булгаков (1891–1940) — один из самых ярких и талантливых писателей XX века. Тем не менее практически все, что он писал, подвергалось резкой критике, отменялись постановки пьес, запрещались публикации — значительная часть произведений вышла в свет только через несколько лет после его смерти.

В сборник вошли самые известные произведения Михаила Булгакова: «Жизнь господина де Мольера», «Записки юного врача», «Собачье сердце», «Дьяволиада», «Роковые яйца» и другие, а также публицистические, важные для понимания позиции автора, его сложной писательской судьбы в Советской России, — статья «Грядущие перспективы» и «Письмо правительству СССР» 1930 года.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-77354-1

© Булгаков М. А., наследники, 2015
© Чудакова М. О., предисловие,
комментарии, 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Содержание

M. Чудакова. О Михаиле Булгакове

7

Жизнь господина де Мольера

33

Повести и рассказы

Дьяволиада

219

Роковые яйца

258

Собачье сердце

335

Похождения Чичикова

430

Красная корона

443

Китайская история

449

Записки на манжетах

459

ХАНСКИЙ ОГОНЬ	
	498
ПЛОЩАДЬ НА КОЛЕСАХ	
	516
ЗАПИСКИ ЮНОГО ВРАЧА	
	519
МОРФИЙ	
	596
ПУБЛИЦИСТИКА	
ГРЯДУЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	
	629
ПИСЬМО К СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ	
МИХАИЛА БУЛГАКОВА	
	632
КОММЕНТАРИИ	
	638

О МИХАИЛЕ БУЛГАКОВЕ

1

Этот писатель был почти неизвестен в своем отечестве до начала 1960-х годов.

Правда, были еще живы и даже находились в добром здравии некоторые из тех, кто помнил оглушительный успех мхатовских спектаклей по пьесе Булгакова «Дни Турбиных» в 1926—1928 гг. — с потрясающим Хмелевым и обаятельной Вертой Соколовой. (Возобновление спектакля после многолетнего перерыва в 1954 г. на сцене Театра им. К. С. Станиславского уже не было событием — хоть и запомнился молодой Леонов в роли Лариосика.)

Но это было, собственно, и все, что знали, и то немногие, о Михаиле Булгакове. Первое за тридцать лет издание его сочинений — тонкая книжка, вышедшая в том же 1954-м — первом году «Оттепели», очень маленькая по тем временам тиражом (10000 экз.), включала только две из всех написанных блестящим драматургом пьес — «Дни Турбиных» и пьеса о Пушкине под неавторским названием «Последние дни» (авторское — «Александр Пушкин» — было, правда, дано вслед, в скобках).

В 1962-м вышла в ЖЗЛ «Жизнь господина де Мольера» (авторское заглавие — «Мольер»), с огромными купюрами, сделанными самой Е. С. Булгаковой, — мотив кровосмесительства для советской печати был неприемлем. А еще спустя год, в 1963-м, появилась совсем тонкая книжечка в бумажной обложке — «Записки юного врача». Она вышла в «Библиотеке «Огонька» (эта библиотечка рассыпалась подписчикам журнала «Огонек» в качестве приложения); здесь тираж был побольше других изданий.

А через два года, в 1965-м, в № 8 «Нового мира» появилось не законченное автором сочинение — под названием «Театральный роман». Это был авторский, но предварительный

вариант заглавия, потом Булгаков предпочел ему, как видно из рукописи, другое – «Записки покойника». Сегодняшнему читателю России, в Конституции которой записано: «Цензура запрещается» (статья 29, ч. 5), мы уже не будем даже пытаться объяснить, почему ни один советский цензор не пропустил бы в печать произведение под таким названием. Но *тогда* это понимали все. И Константин Симонов, отстаивавший публикацию, вспоминал позже свою мотивировку: «Лучше издать «Театральный роман», чем не издать «Записки покойника».

Блестящее, окрашенное неподражаемым комизмом сочинение, где за главными героями угадывались неприкасаемые в позднесоветские годы «родоначальники» МХАТа Станиславский и Немирович-Данченко, пленило всех подписчиков журнала «Новый мир». Их число измерялось уже сотнями тысяч. Читателей же в стране было больше сотни миллионов.

И в том же 1965 году вышла книга «Драмы и комедии». Счастливые обладатели небольшого томика (тираж 10 000) могли впервые прочитать пьесы «Бег», «Кабала святоши», «Иван Васильевич»... И не давая им опомниться, выпустили осенью 1966 года многим памятный синенький том «Избранной прозы» Булгакова... Купить его в книжных магазинах сразу же стало невозможно. Лучшего вознаграждения, скажем, для врача от благодарного пациента в те годы не было. Советская власть, не давая возможности читать книгу всем желающим в нашей стране, торговала ею за валюту за границей в магазинах русской книги и у себя дома. Заезжие иностранцы либо привозили ее из своих стран, либо покупали для подарка здешним знакомым в тогдашних московских магазинах «Березка» – за эту самую валюту¹...

¹ Вспомним «Мастера и Маргариту»: «— У нас только на валюту, — прохрипел швейцар». Атмосфера в этих носящих столь патриотичное именование заведениях, где купить дефицитные товары можно было только на валюту или на специальные чеки – сертификаты, – точь-в-точь воспроизвела булгаковское описание Торгсина, и покупателя мог остановить привратник и попросить продемонстрировать валюту...

Но с «Мастером и Маргаритой» советская власть обошлась так, как и Коровьеву не придумать: около 60 машинописных страниц, изъятых из текста романа перепуганными редакторами журнала «Москва» под давлением цензуры, она официальным путем ПРОДАЛА ЗАРУБЕЖНЫМ ИЗДАТЕЛЬСТВАМ ЗА ВАЛЮТУ. И весь мир читал в переводах ПОЛНЫЙ текст романа, а соотечественники

В томе впервые после 1925 года, а кроме того — в полном, не обрезанном на треть объеме¹ был напечатан роман «Белая гвардия». Туда же вошли «Театральный роман», роман о Мольере, «Записки юного врача».

2

Киевский врач Е. Б. Букреев, учившийся с М. Булгаковым в Первой гимназии, а затем на медицинском факультете Киевского университета св. Владимира, рассказывал мне, что литературная карьера Булгакова была для его однокашников «совершенной неожиданностью! ...Он никаких особых способностей не обнаруживал....». (Это напоминает свидетельства современников о любимом писателе Булгакова — юном Гоголе, отправлявшемся в Петербург: «В то время мы ничего особенного в нем не видели».)

Во всяком случае, попав в 1916 году, после окончания университета, в качестве земского врача в село Никольское, а затем в городскую больницу Вязьмы, он стал писать.

По-видимому, еще в Вязьме, во второй половине 1917 года, Булгаков начал работу над сочинением, получившим название «Недуг». Рукопись с этим названием настойчиво упоминается в письмах Булгакова родным 1921 года. Кузену Константину Булгакову он сообщает из Владикавказа 16 февраля 1921 г.: «Сейчас я пишу большой роман по канве «Недуга». Т. Н. Кисельгоф (первая жена Булгакова) говорила мне во время одной из наших бесед в Туапсе: «Недуг» — это, по-моему, про морфий». Об этом же говорила сестра писателя Н. А. Земская². Хорошо знавший Булгакова еще во Владикавказе в 1920—1921 гг. писатель Юрий Слезкин вспоминал в дневнике о первых москов-

писателя до 1973 года (когда удалось наконец выпустить однотомник с тремя романами) должны были довольствоваться обкорнанным. Елена Сергеевна Булгакова рассказывала мне, как она плакала, увидев изуродованный текст. И добавила: «И машинистки журнала плакали, делая эти купюры, — они уже полюбили роман, резали по-живому...»

¹ Журнал «Россия», в котором в 1925 году печатался роман «Белая гвардия», закрылся, и уже набранная в № 6 последняя треть романа осталась ненапечатанной.

² Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983. С. 82—83.

ских годах Булгакова: «Читал свой роман о каком-то наркомане».

Можно уверенно говорить об одном — литературная ситуация первых советских лет с ее жесткими цензурными требованиями быстро показала, что *большой жанр* с центральным героем-наркоманом в новых условиях невозможен: такой роман не мог быть напечатан. Жанровые рамки замысла были преобразованы. А материалом *романа*, получившего крайне дерзкое для середины 20-х годов заглавие «Белая гвардия», стала Гражданская война.

Рассказ «Морфий» прямо связан с биографическими обстоятельствами — с возникшей еще в 1916–1917 гг. привычкой к морфию (после одного укола, который должен был снять боль и зуд от введенной Булгакову во время врачебной практики в селе Никольском противодифтеритной сыворотки). Возникнув еще в 1916 году, она разрушительно действовала на него вплоть до 1918-го, когда ему удалось наконец при помощи *жены полностью* победить зависимость.

Известно, что поздней осенью 1917 года Булгаков побывал в Москве — он увидел ее вскоре после октябрьских боев, под новой властью.

События, перевернувшие российскую жизнь, совпали с упомянутой тяжелейшей личной коллизией. Не исключим того, что поездка в Москву, помимо главной цели — попытки освободиться от службы — была связана также и с болезнью: возможно, тайно от родных Булгаков рассчитывал провести какое-то время в клинике у знакомого врача или хотя бы про-консультироваться. Возможно, рассказ «Морфий» (начатый автором в эти годы, но известный только в редакции 1927 года — по первой публикации) имеет еще более серьезную автобиографическую подоплеку, чем это явствует из заглавия и из дневника героя рассказа — погибающего на почве морфинизма доктора Полякова. В рассказе доктор осенью 1917 года добровольно ложится в психиатрическую лечебницу, чтобы пройти курс лечения. Октябрьские бои он воспринимает сквозь дымку болезни — и таким образом и запечатлевает их в своем дневнике: «14 ноября 1917 г. Итак, после побега из Москвы из лечебниц доктора... (фамилия тщательно зачеркнута) я вновь дома. Дождь сеет пеленой и скрывает от меня мир. И пусть скроет его от меня. Он не нужен мне <...>. Стрельбу и переворот я пережил еще в лечебнице» — и упоминает о «бое на улицах Москвы».

Примечательно, что первую инъекцию наркотика герой рассказа делает *за неделю* до начала революционных событий февраля 1917 года — будто *заранее готовя себе анестезию*.

События февраля — марта, а затем октября — ноября 1917 года восприняты сквозь дымку болезни, помрачающей сознание героя рассказа. Личная коллизия, возможно, помогла выбрать нужный автору ход — отстраняющий героя от событий. Возможно, уже в литературных опытах 1917–1918 годов, еще *до событий начала 1920 года*, был найден тот угол зрения на революцию, который оказался столь художественно значимым для автора, — герои Булгакова переживают ее, *болея*, и *сама она предстает как феномен болезни* («Записки на манжетах», 1923; «Морфий», 1927).

В то же время, заметим, этот сюжетный ход, отстраняющий, повторим, героя от самих событий и от прямой, на трезвую голову, их оценки помогал преодолеть цензурные условия советского времени.

Доктор Бомгард, от имени которого ведется повествование, печатает завещанные ему дневниковые записи коллеги в то время, когда «тело Полякова давно истлело, а память о нем совершенно исчезла». Страх безвестности, гибели *прежде самоуничтожения* — глубоко личный, биографический мотив, рано явившийся в творчестве писателя. Мотив этот станет постоянным, пройдет через разные произведения.

Рассказ пронизан редким для литературы советского времени ощущением мимолетности человеческой жизни — *sub specie aeternitatis*¹. Этот авторский взгляд ко времени печатания «Морфия» уже проявился и в раннем finale повести «Роковые яйца» («...Но потом имя профессора Владимира Ипатьевича Персикова оделось туманом и погасло...»), и в finale «Белой гвардии» («...звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Звезды будут так же неизменны, так же трепетны и прекрасны...»).

Рассказ тематически и сюжетно примыкает к циклу «Записок юного врача» — одному из самых ранних замыслов и литературных опытов Булгакова. «Записки» были начаты или, во всяком случае, задуманы еще в 1916–1917 гг. — в Никольском и Вязьме.

¹ С точки зрения вечности (*лат.*) — крылатое латинское выражение.

Татьяна Николаевна рассказывала мне о том, как в сентябре 1916 года они ехали из уездного городка Смоленской губернии на место новой службы Булгакова — в сельскую больницу, — и о тех реальных ситуациях, которые отразились в будущем цикле рассказов.

«Была жуткая грязь, 40 верст ехали весь день. В Никольское приехали поздно, никто, конечно, не встречал. Там был двухэтажный дом врачей. Дом этот был закрыт; фельдшер пришел, принес ключи, показывает — «вот ваш дом»...» Дом состоял из двух половин с отдельными входами: рассчитан он был на двух врачей, необходимых больнице. Но второго врача не было.

«Наверху была спальня, кабинет, внизу столовая и кухня. Мы заняли две комнаты, стали устраиваться. И в первую же ночь привезли роженицу! Я пошла в больницу вместе с Михаилом. Роженица была в операционной; конечно, страшные боли; ребенок шел неправильно. Я видела роженицу, она теряла сознание. Я сидела в отдалении, искала в учебнике медицинском нужные места, а Михаил отходил от нее, смотрел, говорил мне: «Открой такую-то страницу!» А муж ее сказал, когда привез: «Если умрет, и тебе не жить — убью». И все время потом ему там грозили.

В следующие дни стали приезжать больные, сначала немного, потом до ста человек в день...»

Отношения с крестьянами не были идилличными.

Больница в это время имела 24 койки (и еще 8 коек для острых инфекций и две родильных), операционную, аптеку, библиотеку, телефон... Был отличный инструментарий, выпи-саный стараниями предшественника Булгакова — Леопольда Леопольдовича Смрчека, чеха, выпускника Московского университета, проработавшего в Никольском более десяти лет. «Я успел обойти больницу и с совершеннейшей ясностью убедился в том, что инструментарий в ней богатейший... — расскажет позже Булгаков в «Записках юного врача». — Гм, — очень многозначительно промычал я, — однако у вас инструментарий прелестный. Гм... — Как же-с, — сладко заметил Демьян Лукич, — все это стараниями вашего предшественника Леопольда Леопольдовича. Он ведь с утра до вечера оперировал». В кабинете же «легендарного Леопольда» шкаф «был битком набит книгами. Одних руководств по хирургии на русском и немецком языках я насчитал около тридцати томов...» («Полотенце с петухом»).

Размещалась больница в бывшем помещичьем доме. Больницу окружал лиственничный парк. Несколько уцелевших огромных лиственниц местные жители и сегодня называют «немецкими елками» — именно по ним (больше их нет в тех краях нигде!) в 2001 году участники «Булгаковских чтений в Вязьме» (организованных общественным Фондом Булгакова) нашли то место, где стояла больница, разрушенная бомбардировками 1941–1942 гг.

На другом берегу речки, дугой огибавшей территорию больницы, находился заповедник. (Ср.: «...Ворвался, топота, как лошадь, Егорыч в рваных сапожищах и доложил, что роды происходят в кустах у Заповедника над речушкой». — «Пропавший глаз».)

С трех сторон больницу окружал лес, а с четвертой лес быстро кончался, и за лугом в версте видна была деревня Никольское. С другой стороны, за заповедником, в полутора верстах — имение Муравишиники и деревня Муравишиниково.

Жизнь была не такая все-таки однокая и замкнутая, как может показаться при чтении «Записок юного врача», работу над которыми — под заглавием «Наброски земского врача» — Булгаков начал, по-видимому, в этом же 1916 году.

Нет сомнений, что молодого врача подогревал на его начинаящемся литературном пути и руководил его выбором темы всероссийский успех вышедших за 15 лет до этого времени «Записок врача» его старшего коллеги — В. В. Вересаева. «Записки врача», — вспоминал впоследствии Вересаев, — дали мне такую славу, которой без них я никогда бы не имел и которой никогда не имели лучшие писатели, гораздо более меня одаренные. <...> Назовешь свою фамилию мало-мальски грамотному человеку — радостно-изумленное лицо: — Автор «Записок врача»?! <...> Успех «Записок врача» был небывалый. Одно издание за другим расхватывалось моментально. Общей прессой — без различия направлений и вплоть до самых «желтых» уличных газет — книга была встречена восторженно». Булгаков несомненно питал надежду повторить этот успех.

В 1921 году, сначала оказавшись в 1919 году в качестве военврача в Белой армии, а затем — в качестве драматурга, пишущего в том же Владикавказе уже для советской сцены, он упоминает в одном из писем родным, что в Киеве «в письменном столе у меня остались (т. е. — с осени 1919 года, когда он покинул Киев. — М. Ч.) две важных для меня рукописи: Наброски земского врача и «Недуг».

Следующее упоминание о раннем замысле – в письме к матери от 17 ноября 1921 года, через полтора месяца после приезда в Москву: «По ночам урывками пишу Записки земского врача».

Может выйти солидная вещь. Обрабатываю «Недуг»...

Только в августе 1925 года, однако, Булгаков вернулся к оставленному на несколько лет циклу и напечатал один из рассказов – «Стальное горло». А затем и следующие – в мало кому известном журнале «Медицинский работник».

Спустя 23 года после смерти автора, в 1963 году, рассказы, собранные Е. С. Булгаковой по сохранившимся в его архиве первым публикациям, вышли отдельным изданием (Записки юного врача. Рассказы. М., 1963). Однако тогда в состав книги не вошел рассказ «Звездная сыпь», первой публикацией которого вдова писателя, по-видимому, не располагала. Да и цензурные условия не располагали к тому, чтобы легко напечатать рассказ о широком распространении сифилиса в русской деревне (для советской цензуры, описать установки которой очень и очень трудно, не имело значения, что речь идет о царской России...).

3

31 декабря 1917 г. Булгаков напишет сестре Наде: «Недавно в поездке в Москву и в Саратов мне пришлось все видеть воочию и больше я не хотел бы видеть.

Я видел, как серые толпы с гиканьем и гнусной бранью бьют стекла в поездах, видел, как бьют людей. Видел разрушенные и обгоревшие дома в Москве... Тупые и зверские лица... <...> Все воочию видел и понял окончательно, что произошло».

Так – открытыми глазами, не дав затуманить их захватившими многих его соотечественников надеждами на достижение всеобщей справедливости насилиственными кровавыми мерами, увидел Булгаков трагическое настоящее и будущее своей страны.

Два года спустя, в ноябре 1919 года, уже будучи военврачом Добровольческой армии на Северном Кавказе, в первом своем литературном выступлении в печати (в газете «Грозный») Булгаков сразу вошел в сердцевину спора о корнях большевизма в России – спора, не конченного до сих пор.

Важнейший мотив первого выхода Булгакова в печать – статьи «Грядущие перспективы» – мотив вины общенациональной. Подспудная мысль автора – все соотечественники повинны в ка-

тастрофе, постигнувшей Россию, — Октябрьском перевороте и Гражданской войне. Одни — тем, что к ней активно толкали («одурачивали» полуграмотных людей идеей насильтственного переустройства страны на началах всеобщей гармонии), другие — тем, что пошли на братоубийство, третьи — безмолвным попустительством этому... Булгаков не ищет внешнего источника наших внутренних событий. В отличие от многих и многих (и тогда, и столетие спустя), всю ответственность за случившееся он возлагает на свой народ, сурово обвиняя его за податливость к «одурачиванию».

Статья подводила итоги пережитого за 1917—1920 гг. и была окрашена мрачными ожиданиями. «Вина» и «платы» — два важнейших в ней понятия. Перечитайте конец статьи: вы увидите, что автор — не только очень талантливый писатель, но и умнейший человек (что далеко не всегда дается в одном наборе) — объясняет нам, что мы платим сегодня отнюдь не за 1990-е годы, а за 1917—1920 гг.

4

Оба младших брата Булгакова — Николай и Иван — воевали в Добровольческой армии и в результате ее поражения вынуждены были осенью 1920 года навсегда покинуть Россию. Их судьба была одним из самых сильных и постоянных личных переживаний Булгакова. Острее всего они откликнулись в рассказе «Красная корона».

Два подчеркнуто точных указания в тексте ведут к младшему брату Ивану как прототипу этого персонажа — «Ему 19 лет» и «Я старше его на десять лет». 24 марта 1922 г. Булгаков пишет сестре Наде в Киев в ответ на письмо ее и сестры Вари от 3 марта: «Не могу выразить, насколько меня обрадовало известие о здоровье Вани» (собр. соч. Т. 5. С. 410). В этой фразе, бесспорно, — отклик на полученные впервые с момента отступления Добровольческой армии из Крыма известия о том, что и младший брат — жив. Только после точного известия о его судьбе, на наш взгляд, Булгаков мог решиться делать мнимую смерть брата материалом для рассказа «Красная корона» — одного из первых рассказов, напечатанных в Москве. Булгаков приехал в Москву осенью 1921 года, «чтобы остаться в ней навсегда», как пророчески написал он в автобиографии 1924 г. (советская власть никогда не выпустила его в Европу, которую он так мечтал увидеть).